

КОНФЛИКТОЛОГИЯ

УДК 316.485.6

Проблема риска и ответственности в современном обществе*

Д. А. Абгаджав, А. Г. Пинкевич, Е. Н. Иванова, А. И. Стребков

Санкт-Петербургский государственный университет,
Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9

Для цитирования: *Абгаджав Д. А., Пинкевич А. Г., Иванова Е. Н., Стребков А. И.* Проблема риска и ответственности в современном обществе // Вестник Санкт-Петербургского университета. Философия и конфликтология. 2021. Т. 37. Вып. 4. С. 647–656.
<https://doi.org/10.21638/spbu17.2021.406>

В статье рассматриваются изменения, произошедшие в характере рисков и угроз в современном обществе. Авторы обращаются к работам зарубежных и отечественных исследователей, внесших вклад в объяснение произошедших трансформаций в так называемом обществе риска. Внимание уделяется пониманию основ социологии риска в трудах О. Н. Яницкого; разнице между двумя типами современности У. Бека; разграничению риска и опасности Н. Лумана; новым свойствам рисков в условиях глобализации Э. Гидденса; способности социальных систем производить риски, описанной в работах О. Ренна; особенностям мира технологий высокого риска Ч. Перроу; способам адаптации к рискам, рассмотренным Е. В. Шлыковой; роли политики и государства в отношении рисков П. Словика и К. Терни. Авторы подчеркивают глобальный характер современных рисков. Отдельное внимание уделено неравенству общества, социальных общностей и индивидов перед угрозами, связанными с различными рисками. Рассматривается проблема ответственности и неизбежная политизация рисков. Раскрыт конфликтный характер взаимоотношения риск-производителей и риск-потребителей, связанный в том числе с разной мотивацией данных акторов. Поднимая вопросы политического вмешательства и управления в условиях «общества риска», авторы обращаются к проблеме справедливости. Отмечается, что ответственность, позитивные и негативные последствия риска должны равномерно распределяться между членами общества. Обратная ситуация чревата актуализацией серьезных конфликтов. Альтернативой такому развитию

* Исследование выполнено при поддержке Российского научного фонда (проект № 19-18-00115 «Риск-рефлексии в современных российских стратегиях управления конфликтом»).

событий может быть открытое и широкое общественное обсуждение, которое может помочь отстоять интересы всех участников и урегулировать проблему дисбаланса на более справедливой основе. Авторы указывают на разные варианты адаптации к рискам и тенденции к формированию протестных настроений как одной из форм данной адаптации.

Ключевые слова: риск, ответственность, справедливость, протестное поведение.

Человек всегда сталкивается с теми или иными рисками в своей жизни. Тем не менее XX век стал веком формирования глобальных рисков и угроз. Стремление ученых, исследователей вписать происходящие изменения в общую картину мира и создать концепции, способные связать воедино происходящее, или хотя бы предложить понятия, отражающие новые явления, привели в итоге к появлению целого ряда теорий, связанных с понятием риска. Изучение рисков и конкретных угроз привело к тому, что исследователи осознали: «само общество является генератором рисков» [1, с. 6]. При этом серьезные изменения коснулись характера последствий и угроз, которые несли с собой современные риски. В индустриальном обществе они преимущественно были индивидуальными, и это легло с основу возможности расчетов, построения прогнозов. То есть «события, которые еще не произошли, становятся объектом текущих действий, а именно раннего предупреждения, компенсации или иных мер предосторожности против будущих последствий» [2, с. 164]. Таким образом, в индустриальном обществе риск — это дело личное, и всегда есть некая граница, которая в каждом конкретном случае отделяет тех, кто подвержен риску, от тех, кто ему не подвержен.

Ульрих Бек, выделяя различные стадии современности, пишет о том, что первая современность характеризовалась индивидуализацией, в том числе и рисков. В отличие от ранней фазы современности, нынешнее состояние требует коллективизации рисков. Раньше риски были частным делом (рабочие, травмы на работе, индивидуальные последствия и издержки и т. д.). Различие между двумя типами современности с точки зрения интересующей нас проблематики заключается в существовании политического консенсуса относительно риска и страхования от его возможных негативных последствий. Этот консенсус означал, что проблема регулирования рисков была представлена как нейтральная и чисто техническая. Постепенное и последовательное разрушение данного консенсуса в фазе поздней современности вновь актуализирует проблемы регулирования рисков, их распределения и контроля. Подобное положение свидетельствует о том, что проблема риска с новой силой вводится в топ общественных дискуссий, обретая политическое звучание.

Здесь уместно вспомнить о разграничении риска и опасности, предложенном Никласом Луманом. Анализируя понятие риска и выстраивая с этой целью асимметричные пары: «риск/надежность» и «риск/опасность», Н. Луман отмечает, что риск обозначает целый комплекс обстоятельств, с которыми приходится иметь дело в современном обществе. В то же время противоположные стороны выступают лишь как понятия рефлексии, основная функция которых заключается в том, чтобы прояснить контингенцию обстоятельств, подпадающих под понятие риска. Так, по мнению социолога, пара «риск/надежность» обращается к проблеме из-

мерения, а пара «риск/опасность» фиксирует, что только применительно к риску определенную роль играет решение. Опасность — это то, чему актер подвергается. Здесь играет роль его собственное поведение, но только тогда, когда оно ведет к ситуациям, в которых и наступает ущерб [3, с. 151].

Для социолога системно-специфическое построение рисков и опасностей является отличительной чертой систем. Так, отмечая возможность системы производить «объективные» знания о мире, Луман указывает на то, что каждый актер включен в социальную систему, которая предоставляет ему сконструированный смысл и значение, рациональность и идентичность. Собственно, такая конфигурация и дает возможность социологу различать риски и опасности. Социальные системы формируют условия для экстернализации или интернализации разнообразных угроз. Так, внешние (неконтролируемые) угрозы для системы определяют Луманом как опасности, а внутренние (управляемые) — как риски. Это семантическое различие есть попытка преодоления противоречия между, с одной стороны, восприятием жизни в эпоху новой современности как все более и более рискованной и, с другой — все увеличивающейся продолжительностью жизни, причем не только в богатых, но и в развивающихся странах. По сути, получается, что угрозы связаны не столько с увеличением числа потерянных жизней, сколько с тем, что социальные системы в значительной степени усваивают внешние угрозы (т. е. опасности), превращая их в риски. Чем больше социальные системы осваивают опасностей, формируя таким образом будущее, тем больше рисков производится. Например, климатические изменения, которые некогда рассматривались исключительно как капризы природы или результат действия естественных факторов, сегодня воспринимаются с учетом антропогенных воздействий и, следовательно, представляют собой риски [4, р. 59].

Решение в условиях риска генерирует множество различий, серию бифуркаций, порождающих новые рискованные решения. Луман отмечает: схема «риск/опасность» указывает на надежность (или неприятие риска, или уклонение от опасности). Помечая риск, можно забыть об опасностях, помечая опасности — о тех выгодах, которых можно было бы достичь путем рискованного решения. Таким образом, в ранних обществах помечается опасность, а в современных — риск, поскольку важнее все лучше и лучше использовать шансы. В этих рассуждениях Лумана важным для нас является мысль о том, будет ли все так же идти и дальше. Не случится ли так, что в нынешних условиях тот, кто принимает решение, и тот, кого затрагивает это решение, будут всякий раз помечать разные стороны одного и того же различия. Эта амбивалентность порождает конфликтную ситуацию, ибо акторы по-разному располагают своим вниманием и тем вниманием, какого требуют от других [3, с. 152].

Таким образом, риск является противоположностью классической опасности как судьбы. Так, при наводнении, засухе, смертоносной эпидемии и прочих напастях, с которыми сталкивались общества в прошлом, никто конкретно не был виноват. При таком понимании риска, в отличие от опасностей¹ (как независящих от человека), с неизбежностью поднимают вопросы ответственности и закладывают основу для их политизации.

¹ Рок, катастрофа, стихийное бедствие и т. п. — все они суть понятия, описывающие опасности.

В современном обществе, обществе глобализации и риска, появляются такие факторы риска, которые обладают совершенно иными качествами. «Многие из этих новых факторов риска и неопределенности затрагивают нас независимо от того, где мы находимся, принадлежим мы к привилегированным или обездоленным слоям» [5, с. 19]. Гидденс пишет о том, что многие недооценивают влияние глобализации на нашу жизнь, и преимущественно рассматривает ее в отношении экономики и мира политики, однако она влияет на все стороны жизни и, даже не понимая всех тонкостей, каждый ощущает это влияние на себе. «Глобализация — это не один процесс, а сложное сочетание целого ряда процессов» [5, с. 29]. По его мнению, раньше также существовали риски и угрозы, но сегодня их соотношение изменилось. «Мы живем в мире, где опасности, созданные нашими же руками, не менее, а то и более серьезны, чем те, что приходят к нам извне» [5, с. 50].

Бек пишет о том, что наша эпоха — «общество риска» — это новая современность. Она отличается от всех предыдущих именно характером рисков и теми изменениями, к которым это привело. «Наше общество остаточного риска стало обществом без гарантий, оно не застраховано, и парадокс в том, что защищенность убывает по мере роста опасностей» [2, с. 165]. Это влияет на уровень стабильности в обществе, а также требует разработки неких иных алгоритмов действий в отношении рисков и угроз, так как возможности расчета опасностей, исходящих от рисков, и вероятности самих рисков, изменились. Причиной этого, по мнению Бека, является следующее:

- вероятность глобального непоправимого ущерба от мегаугроз;
- исчезновение возможности действенных мер, направленных на предвидение последствий;
- границы рисков и бедствий, связанных с ними, просто не очерчены более во времени и пространстве.

Таким образом, возможность предвидеть, предупредить, просчитать и обеспечить безопасность от негативных последствий мегаугроз снижается или даже исчезает, а недостаток ответственности за последствия от рисков возрастает. Однако важно понимать, что все вышеуказанное не ведет автоматически к исчезновению общества как такового. Речь идет о том, что меняется ситуация, меняются теории, объясняющие ее, и должны измениться механизмы работы с рисками и угрозами. «Опасности, которым мы подвергаемся, относятся к совсем другому времени, чем меры безопасности, которыми пытаются их укротить» [2, с. 166]. Чарльз Перроу, назвавший современный мир «миром технологий высокого риска», писал о том, что чем дальше развиваются технологии, тем больше рисков становится и тем выше катастрофический потенциал. Перроу говорит о трех типах систем высокого риска:

- 1) безнадежные системы, которые связаны с рисками, превышающими все разумные выгоды;
- 2) системы, которые можно сделать менее рисковыми и без которых мы, скорее всего, не сможем обойтись;
- 3) системы, которые могут быть улучшены за счет небольших усилий [6, р. 388].

К первому типу систем относятся ядерное оружие и ядерная энергетика, и это тот тип, от которого следует отказаться. Второй и третий типы систем могут быть

улучшены, однако в случае с менее рискованными системами потребуется больше усилий, но если уделять достаточно внимания исследованию рисков и угроз, связанных с развитием высокотехнологичных систем, то можно уменьшить или даже устранить некоторые опасности. Пэрроу также ввел в оборот термин «нормальные аварии». Под ними он понимал ситуацию, в которой «с учетом характеристик системы множественные и неожиданные взаимодействия отказов неизбежны» [6, р. 14], т. е. аварии связаны не с ошибкой конкретного человека, а с уровнем сложности самой системы. Тем не менее очевидно, что даже в случае с «нормальными авариями» необходимо предпринимать определенного рода действия для предупреждения или минимизации их последствий.

Вопрос ответственности в случае с рисками и мегаугрозами — это отдельная серьезная проблема. При этом ответственность лежит и на тех, кто развивает и внедряет технологии, и на ученых, которые разрабатывают схемы калькуляции рисков, и на бизнес-сообществе, и, безусловно, на политиках, представителях власти. Указанные акторы в той или иной степени могут влиять на принятие решений. Проблема заключается в том, что «в современном обществе возрастает число рисков, навязываемых средой, когда решение, ведущее к возможным неблагоприятным последствиям, принимают одни субъекты, а ущерб несут другие, не имеющие возможности на это решение повлиять» [7, с. 1].

И эта проблема, которая касается развития и функционирования общества в разных странах, не беда только одной какой-то страны. Перроу утверждал, что власти реагируют на угрозы преимущественно постфактум, учитывая интересы бизнеса, и не могут даже обеспечить взимание штрафов, не говоря уже о более серьезных мерах. Он видел две основные причины такой ситуации.

Во-первых, нет единой структуры, которая могла бы контролировать и следить за разнообразными угрозами, которые могут произойти. Это потребовало бы долгосрочного планирования. А в данной ситуации «правительство часто реагирует на бедствия, а не ожидает их» [8, р. 43]. Часто федеральное вмешательство в крупные события приводит к принятию новых законов, к созданию новых организаций и все это призвано зачастую показать избирателям, что власти не бездействуют, но на саму угрозу и работу с ее последствиями это мало влияет, а кроме того, не дает возможности долгосрочного планирования.

Во-вторых, бедствия часто привлекают огромное число игроков, конкурирующих между собой. В результате оказывается, что политическое решение принято, деньги выделены, однако «выдаваемые крупные суммы вызывают коррупцию, но, что более важно, средства на чрезвычайную ситуацию и восстановление могут распределяться в соответствии с политическими и экономическими интересами, а не потребностями» [8, р. 44]. Власти зачастую заинтересованы в краткосрочных проектах, так как им необходимо, чтобы результат был замечен сейчас и был очевиден для избирателей. Исследования же рисков, мегаугроз требуют серьезных финансов и долгосрочных проектов, что не столь выгодно для сиюминутного успеха и популярности. В результате действия властей часто имеют форму реакции на конкретные события, а не представлены в виде попыток разработать меры предупреждения угроз.

Политическое значение риска как неопределенности многократно увеличивается в силу такой его характеристики, как рукотворность. Антропогенная природа

да некоторых рисков ведет к политическим последствиям, поскольку поднимает проблему атрибуции рисков — кто ответственен за их возникновение и возможно ли их воспроизводство. Стоит отметить, что это достаточно сложная проблема, требующая серьезного и отдельного исследования. В некоторых случаях, допустим глобального потепления или загрязнения окружающей среды, очень непросто конкретизировать ответственных (индивиды, группы, структуры т. д.). Когда экологический ущерб превышает определенный порог, нарушает равновесие и порождает необратимые изменения, часто невозможно (или предельно трудно) вменить это каким-то отдельным акторам или решениям. Наверное, можно спорить о долях ответственности, допустим в вопросах о влиянии автомобильных выхлопов на вымирание лесов. Однако, даже если дело действительно в этом, очевидно, что запуск одного автомобиля нельзя отнести к категории рискованных решений.

Вместе с тем в конечном итоге совершенно очевидно, что нынешняя ситуация представляет собой результат чьих-то действий. Таким образом, вопрос об атрибуции ответственности остается открытым. В связи с чем на политическом уровне и возникает, говоря словами Лумана, необходимость «изобретения решений», которые могут способствовать распределению ответственности за негативные эффекты.

Создающие риски подвергают опасности других, а значит, существует напряжение между носителями риска (или, с точки зрения Лумана, скорее, опасностями) и теми, кто рискует. «Независимо от того, предпочитают ли риск-менеджеры устанавливать политику рисков в соответствии с численными результатами исследований по оценке рисков или нет, они сталкиваются и будут сталкиваться с социальной реакцией на свою политику» [9, p. 21].

Общество может по-разному адаптироваться к рискам, которые навязываются извне. Сам процесс адаптации к риску начинает разворачиваться тогда, «когда в рамках одной социальной общности среда характеризуется наличием источника неблагоприятного воздействия, а субъекты — объективной или субъективно воспринимаемой незащищенностью (уязвимостью) от этого неблагоприятного воздействия» [7, с. 1]. В данной ситуации важна и проблема неравенства индивидов, социальных групп перед рисками, возможности их адаптации к рискам, способности справиться с угрозами, которые они несут. Очевидно, что чем меньше возможностей у субъекта справиться с риском, тем в большей степени он подвержен угрозам, исходящим от него. В данной связи уместно упомянуть различие «риск-производителей» и «риск-потребителей». Само взаимоотношение этих категорий несет в себе некую конфликтность, так как их действиями зачастую движут разные мотивы. Пол Словик утверждает, что «тем, кто продвигает и регулирует здоровье и безопасность, необходимо понимать, как люди думают о рисках и как на них реагируют. Без такого понимания хорошо продуманная политика может оказаться неэффективной» [10, p. 280]. Общество традиционно возлагает большую ответственность за риски и угрозы на государство, оно воспринимается как основной игрок на этом поле. Однако роль его может быть совершенно разной. Как отмечает Кэтлин Терни, государство может выступать «в качестве пассивного наблюдателя или непосредственного помощника в рискованной организационной и институциональной практике; и как автономный субъект, преследующий собственные интересы и создающий опасности» [11, p. 234].

В адаптации к рискам не последнюю роль играют наличие и достаточный объем информации о тех угрозах, которые несет в себе риск. Незнание или заблуждения могут способствовать развитию страхов, не имеющих объективных причин, и поиска путей выхода из данной ситуации. Достаточность информации — это одно из важных условий работы с рисками и нормализации ситуации. Пол Словик пишет о том, что «усилия по информированию и управлению рисками обречены на провал, если они не структурированы как двусторонний процесс. Каждая сторона, как эксперт, так и общественность, может внести свой вклад» [10, p. 285].

Отношение социальных акторов к риску — определяющий фактор выбора способа адаптации к нему. Так, Е. В. Шлыкова говорит о четырех возможных способах адаптации к рискам и выделяет следующие группы [7]:

- 1) терпящие;
- 2) смирившиеся;
- 3) протестующие;
- 4) устраняющиеся.

Количественное наполнение данных групп, формы протеста, которые они выбирают, — все это необходимо понимать для корректной оценки ситуации в обществе. Также принципиальное значение имеет то, кто в сознании людей несет ответственность за те или иные риски. Ведь именно от данных производителей рисков ждут неких действий по управлению рисками и именно на них будет направлено недовольство потребителей рисков. При определенных условиях конфликтный потенциал может перерасти в открытый протест. «Социальные тревоги оказывают воздействие на субъекта, обуславливая его специфические социально-психологические состояния от беспокойства и разочарования до выражения протеста в различных формах социального действия» [12, с. 65].

Глобализация рисков, обретение ими статуса одного из доминирующих феноменов, оказывающих влияние на все стороны жизни, с неизбежностью поднимают вопросы политического вмешательства и управления. Важной задачей становится установление такой политической конфигурации и модели управления, которая бы учитывала и обеспечивала как коллективные ориентации, так и личные устремления. И здесь, по нашему мнению, особую актуальность начинает приобретать проблема справедливости. Под справедливостью мы понимаем такое устройство социума, в основе которого лежит специфический способ распределения выгод и издержек между различными социальными акторами. Справедливость отражает принятый баланс выгод и издержек, который в некотором отношении должен идти на пользу не только отдельным индивидам и группам (бенефициарам сложившегося порядка, элитам), но и коллективу в целом. Экстраполируя такое понимание справедливости на обсуждаемую нами проблему риска, мы можем сказать, что как ответственность, так и позитивные и негативные последствия риска должны равномерно распределяться между членами общества. К сожалению, сегодня (по большей части) мы видим такое положение вещей, когда принимаемые решения основаны скорее на власти, принуждении и навязывании, а не на принципах справедливости.

Политическая проблема равномерного распределения ответственности, рисков и их последствий требует серьезного обсуждения. Рамки нашего исследования

не позволяют здесь и сейчас уделить внимание всем ее аспектам. Мы можем только констатировать, что анализ проблемы справедливости в конфликтологической перспективе обнаруживает ее онтологическую связь с конфликтом и сложившимся социально-политическим порядком [13]. Проблема справедливости не существует и не может быть решена вне конфликта. В этом отношении вся совокупность проблем, связанных с риском (поднятых и опущенных в нашей статье), может найти более или менее адекватное решение (или, во всяком случае, имеет таковые шансы) при условии открытого, ясного и широкого обсуждения для всех заинтересованных акторов; обсуждения вплоть до конфликта. Только тогда, когда все участники имеют возможность не просто высказаться и внятно сформулировать свои интересы, но и отстоять их, можно рассчитывать, что проблема дисбаланса будет решена на более справедливой основе. В противном случае необходимо учитывать, что реакция людей на риски и угрозы может обрести крайние формы конфликта.

Литература

1. Яницкий, О. Н. (2003), Социальные реальности и социальные миражи. Социология риска: ключевые идеи, *Мир России*, № 1, с. 3–35.
2. Бек, У. (1994), От индустриального общества к обществу риска, *THESIS*, вып. 5, с. 161–168.
3. Луман, Н. (1994), Понятие риска, *THESIS*, вып. 5, с. 135–160.
4. Renn, O. (2008), Concepts of Risk: An Interdisciplinary Review — Part 1: Disciplinary Risk Concepts, *GATA — Ecological Perspectives on Science and Society*, iss. 17 (1), pp. 50–66.
5. Гидденс, Э. (2004), *Ускользящий мир: как глобализация меняет нашу жизнь*, пер. с англ., М.: Весь Мир.
6. Perrow, Ch. (1984), *Normal accidents. Living with high-risk technologies*, New York: Basic Books.
7. Шлыкова, Е. В. (2015), Отношение к риску как дифференцирующий фактор выбора способа вынужденной адаптации, *Официальный портал ИС РАН*. URL: <https://www.isras.ru/publ.html?id=4081> (дата обращения 15.08.2021).
8. Perrow, Ch. (2007), *The next catastrophe: reducing our vulnerabilities to natural, industrial, and terrorist disasters*, Princeton: Princeton University Press.
9. Renn, O., Jaeger, C., Rosa, E. and Webler, T. (2000), The rational actor paradigm in risk theories: analysis and critique, in Cohen, M. J. (ed.), *Risk in the modern age. Social theory, science and environmental decision-making*, Houndmills: Palgrave, pp. 35–61.
10. Slovic, P. (1987), Perception of Risk, *Science*, vol. 236, pp. 280–285.
11. Tierney, K. (1999), Toward a critical sociology of risk, *Sociological Forum*, vol. 14, no. 2, p. 215–242.
12. Долгорукова, И. В., Кирилина, Т. Ю., Мазаев, Ю. Н. и Юдина, Т. Н. (2017), Социальная тревожность и социальные опасения населения России: социологическое измерение, *Социологические исследования*, № 2, с. 57–66.
13. Абгаджав, Д. А. (2016), Социальный порядок, справедливость и экстремизм, в *Создание воспитательной антиэкстремистской среды в современном вузе: Материалы Международной научно-практической конференции 14–15 апреля 2016 года*, отв. ред. Быданов, В. Е. и Табурчак, А. П., СПб.: СПбГТИ (ТУ), с. 63–67.

Статья поступила в редакцию 2 февраля 2021 г.;
рекомендована к печати 17 сентября 2021 г.

Контактная информация:

Абгаджав Даур Арнольдович — канд. социол. наук, доц.; d.abgadzjava@spbu.ru
Пинкевич Анна Георгиевна — канд. полит. наук, доц.; a.pinkevich@spbu.ru
Иванова Елена Никитична — канд. психол. наук, доц.; Elenaiv1@mail.ru
Стребков Александр Иванович — д-р полит. наук, проф.; a.strebkov@spbu.ru

The problem of risk and responsibility in modern society*

D. A. Abgadshava, A. G. Pinkevich, E. I. Ivanova, A. I. Strebkov

St. Petersburg State University,
7–9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russian Federation

For citation: Abgadshava D. A., Pinkevich A. G., Ivanova E. N, Strebkov A. I. The problem of risk and responsibility in modern society. *Vestnik of Saint Petersburg University. Philosophy and Conflict Studies*, 2021, vol. 37, issue 4, pp. 647–656. <https://doi.org/10.21638/spbu17.2021.406> (In Russian)

The article examines the changes that have occurred in the nature of risks and threats in modern society. The authors refer to the works of foreign and domestic researchers who have contributed to the explanation of the transformations that have taken place in the so-called risk society. Thus, attention is paid to understanding the foundations of the sociology of risk in the works of O. N. Yanitskiy; the difference between the two types of modernity by U. Beck; differentiation of risk and danger N. Luhmann; new properties of risks in the context of globalization by A. Giddens; the ability of social systems to produce risks, described in the works of O. Renn; the peculiarities of the world of high-risk technologies by Ch. Perrow; methods of adaptation to the risks considered by E. V. Shlykova; the role of politics and the state in relation to risks by P. Slovic and K. Tierney. The authors emphasize the global nature of modern risks. Emphasis is placed on the inequality of society, social communities and individuals in the face of threats associated with various risks. Also, the problem of responsibility and the inevitable politicization of risks are considered. The article discloses the conflicting nature of the relationship between risk producers and risk consumers, including different motivations of these actors. By raising issues of political intervention and governance in a “risk society”, the authors address the issue of equity. It is noted that responsibility, positive and negative consequences of risk should be evenly distributed among members of society. The opposite situation could be reason for serious conflicts. An alternative to such a development of events can be an open and broad public discussion, which can help to defend the interests of all participants and resolve the problem of imbalance on a more equitable basis. The authors note different variants of adaptation to risks, and tendencies towards the emergence of protest moods as one of the forms of this adaptation.

Keywords: risk, responsibility, equity, protest behaviour.

References

1. Yanitskiy, O. N. (2003), Social realities and social mirages. Sociology of risk: Key ideas, *Mir Rossii*, no. 1, pp. 3–35. (In Russian)
2. Beck, W. (1994), From industrial society to risk society, *THESIS*, vol. 5, pp. 161–168. (In Russian)
3. Luhmann, N. (1994), The concept of risk, *THESIS*, vol. 5, pp. 135–160. (In Russian)
4. Renn, O. (2008), Concepts of Risk: An Interdisciplinary Review — Part 1: Disciplinary Risk Concepts, *GAIA — Ecological Perspectives on Science and Society*, is. 17(1), pp. 50–66.
5. Giddens, E. (2004), *The elusive world: how globalization is changing our lives*, trans. from eng., Moscow: Ves' Mir Publ. (In Russian)
6. Perrow, Ch. (1984), *Normal accidents. Living with high-risk technologies*, New York: Basic Books.
7. Shlykova, E. V. (2015), Attitude towards risk as a differentiating factor in the choice of the method of forced adaptation, *Official'nii portal IS RAN*. Available at: <https://www.isras.ru/publ.html?id=4081> (accessed: 15.08.2021). (In Russian)
8. Perrow, Ch. (2007), *The next catastrophe: reducing our vulnerabilities to natural, industrial, and terrorist disasters*, Princeton: Princeton University Press.

* The research was supported by the Russian Science Foundation, project No. 19-18-00115 «Risk reflection in modern Russian conflict management strategies».

9. Renn, O., Jaeger, C., Rosa, E. and Webler, T. (2000), The rational actor paradigm in risk theories: analysis and critique, in Cohen, M. J. (ed.), *Risk in the modern age. Social theory, science and environmental decision-making*, Houndmills: Palgrave, pp. 35–61.
10. Slovic, P. (1987), Perception of Risk, *Science*, vol. 236, pp. 280–285.
11. Tierney, K. (1999), Toward a critical sociology of risk, *Sociological Forum*, vol. 14, no. 2, pp. 215–242.
12. Dolgorukova, I. V., Kirilina, T. Yu., Mazaev, Yu. N. and Yudina, T. N. (2017), Social anxiety and social fears of the population of Russia: a sociological dimension, *Sotsiologicheskie issledovaniia*, no. 2, pp. 57–66. (In Russian)
13. Abgadshava, D. A. (2016), Social order, justice and extremism, in *Creation of an educational anti-extremist environment in a modern university: Materials of the International Scientific and Practical Conference April 14–15, 2016*, ed. by Bydanov, V. E. and Taburchak, A. P., St. Petersburg: SPbGTI (TU) Publ., pp. 63–67.

Received: February 2, 2021
Accepted: September 17, 2021

Authors' information:

Daur A. Abgadshava — PhD in Sociology, Associate Professor; d.abgadzhava@spbu.ru
Anna G. Pinkevich — PhD in Political Sciences, Associate Professor; a.pinkevich@spbu.ru
Elena N. Ivanova — PhD in Psychology, Associate Professor; Elenaiv1@mail.ru
Alexandr I. Strebkov — Dr. Sci. in Political Sciences, Professor; a.strebkov@spbu.ru